

УДК 32.001:94(47)

Шалюгина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук, директор филиала Кубанского государственного университета в г. Кореновске
kubanskiy_gu@mail.ru

ИМИТАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена выявлению имитационной составляющей в политике и идеологии России периода империи. Показано, что на социальную реальность накладывались разнообразные стратегии имитации. Внедрение принципов «видимости» в массовое сознание происходило и через пышные церемонии и обряды. Историческая конкретика свидетельствует, что имитационные стратегии и тактики в период империи проявлялись в следующих инвариантах: а) самодержавие как «отеческая забота»; б) имитация продвижения по европейскому пути; в) индоктринация; г) символически-церемониальная политика самодержавия; д) презентация власти посредством формирования ее положительного образа.

Ключевые слова: самодержавие, имитация, социокультурные практики, презентация власти, мифологизация, символическая составляющая власти.

Социальный мир конструируется исходя из прежних конструкций (предконструкций). Но в процессе действий и взаимодействий субъектов в повседневной жизни прежние социальные формы не только присваиваются и воспроизводятся, но и видоизменяются, смещаются, при этом изобретаются новые, отличные формы. Имитация при этом выступает как набор социокультурных практик, социальных технологий и коммуникативно-риторических стратегий субъектов социального действия, направленных на символизацию и подмену социальной реальности ее упрощенным подобием – имитационной (симулятивной) реальностью посредством насыщения социальности симулятивными (иллюзорными) образами.

На социальную реальность накладывались разнообразные стратегии имитации: «постановочный стиль» жизнедеятельности; символическое конструирование, мифологизация, идеологическая репрессия. Внедрение принципов «видимости» в массовое сознание происходило и через пышные церемонии и обряды. Историческая конкретика свидетельствует, что имитационные стратегии и тактики в период империи проявлялись в следующих инвариантах: а) самодержавие как «отеческая забота»; б) имитация продвижения по европейскому пути; в) индоктринация; г) символически-церемониальная политика самодержавия; д) презентация власти посредством формирования ее положительного образа.

Shalyugina Tat'yana Aleksandrovna

PhD in Psychology, director of the affiliate of Kuban State University in Korenovsk
kubanskiy_gu@mail.ru

THE SIMULATION COMPONENT IN THE POLITICS AND IDEOLOGY OF IMPERIAL RUSSIA

Paper is devoted to the identification of a simulation component in politics and ideology of Russian in empire period. It is shown that a variety of imitation strategies are imposed on the social reality: "staging style" of life, symbolic engineering, mythology, ideological repression. The introduction of the principles of "visibility" into the mass consciousness occurred through pompous ceremonies and rituals. The specificity indicates that the simulation strategy and tactics in the imperial period were manifested in the following invariants: a) the autocratic monarchy as a "fatherly care", and b) simulation of progress on the European path, and c) indoctrination, and d) symbolic-ceremonial politics of autocracy, and e) presentation of the power through the formation of positive image.

Key words: autocracy, imitation, social and cultural practices, the presentation of power, mythology, symbolic component of power.

Б.А. Успенский, рассматривая процесс сакрализации монарха в России в его разнообразных семиотических проявлениях, обращает внимание на то, что в этом процессе играли роль как политические, так и культурные факторы. Политические коллизии предстают как культурный конфликт, и в то же время формирование новых культурных языков может иметь вполне ясную политическую подоплеку. Культурно-семиотические предпосылки сакрализации монарха состоят в прочтении новых текстов носителями традиционного культурного языка [1, с. 193].

Самодержавие, по графу С.С. Уварову, представляет «главное условие политического существования России», это фундамент, на котором держится все российское государство. «Рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный». Для Уварова это истина, которая не требует доказательств. Большинство русских людей, независимо от сословной принадлежности, образования, занимаемой должности, идейных воззрений, «отношения к правительству», осознают губительность попыток реформировать институт самодержавия, поскольку монархическим сознанием проникнуто мировоззрение всех слоев и сословий России. А потому так нелепо и смешно выглядят те, кто в конституционном устройстве европейских держав видит свой идеал. Они, по словам Уварова, «не знают России, ее положение, ее нужд, ее желаний».

Историческую роль самодержавия граф Уваров видит в том, что оно «соединило расторженные члены Государства и уврачевало язвы его». Создав сильное единое государство, превратившееся впоследствии в империю, которая раскинулась на просторах от Балтийского моря до Тихого океана, самодержавие обеспечивало на протяжении столетий его целостность и политическую самостоятельность. Уваров утверждает, что только самодержавие способно поддерживать «целость в такой огромной массе, которой не было в Истории мира ничего подобного» [2, с. 3, 5].

Характерной чертой самодержавия была его многоукладность, сочетающая монархические, аристократические и демократические типы управления, как в центре, так и на местах. Помимо этого российскому самодержавию всегда были присущи следующие черты: а) цензový характер власти, отстраняющий широкие слои населения от участия в формировании органов государственного управления; б) сосредоточение основных усилий государственной власти на функции политической, в том числе военно-полицейской; в) сохранение в механизме государства значительных позиций предшествующей социально-политической элиты; г) наличие огромного госаппарата, стремящегося к расширению своих функций, и тяготение к сужению своей социальной базы; д) доминирующий рост авторитарных тенденций и силовых принципов управления.

Специфика процессов модернизации непосредственным образом сказалась на самодержавном дискурсе, в котором традиционалистские конструкции не только не были редуцированы к частной жизни, но оставались государственнообразующими и определяли социальную жизнь России вплоть до начала XX в. Вместе с тем на фоне традиционалистских символических структур и в процессе взаимодействия с ними формировались либеральные и собственно консервативные идеи. В результате этих процессов со времени реформ Петра Первого российский социум по-разному оценивал российскую действительность. Народные массы находились в рамках традиционалистского цивилизационного кода, а потому легитимировали и сам режим, и власть самодержавного монарха религиозно, непосредственно связывая сакральность властителя и вытекающую из этого его роль в качестве посредника между Богом и подвластным населением с личным спасением индивидов [3, с. 22–49].

Одна из важнейших причин длительного существования самодержавия – неразвитость институтов гражданского общества, формирование которых сдерживалось самодержавным абсолютизмом. Отсутствие государственной и

правовой культуры в России, отторжение идеологии прав человека российским правосознанием свидетельствовали о неготовности страны к восприятию идей демократии и свободы. Россия – страна, в которой господствовал системоцентризм во взаимоотношениях личности и власти.

Маркиз де Кюстин обращал внимание на то, что в Петербурге «легко обмануться видимостью цивилизации. Когда видишь двор и лиц, вокруг него вращающихся, кажется, что находишься среди народа, далеко ушедшего в своем культурном развитии и государственном строительстве. Но стоит только вспомнить о взаимоотношениях разных классов населения, о том, как грубы их нравы и как тяжелы условия жизни, чтобы сразу увидеть под возмущающим великолепием подлинное варварство» [4, с. 68].

Предпринятый Россией XVIII столетия прорыв, сопровождающийся как стремительной европеизацией, так и неизбежным ужесточением крепостничества, а также расширением сферы его действия, привел к усилению социальной напряженности. Внутренние проблемы усугублялись включением в состав державы народов, различающихся по социально-экономическому уровню, этноконфессиональной принадлежности и историческому опыту. В этих обстоятельствах целенаправленное формирование результативных механизмов воздействия на сознание элиты, а также символов и понятий, способных поддержать идеологическую целостность расширяющей свои границы евразийской империи, может рассматриваться как важнейшее условие жизнеспособности общества, средство амортизации нагнетающихся противоречий [5].

Характеризуя воздействие государственной идеологии на сознание дворянина, историк Е.Н. Марасинова вычленяет следующие каналы социального контроля.

Целенаправленное возвышение личности монарха, в образе которого воплощалось величие власти и патернализм престола. Самодержавный правитель предстал в сознании подданных как гарант сильного государства, объединяющий символ для сложного по своему составу населения империи, носитель разумной стабилизирующей воли, воплощенной в законе.

Постепенная трансформация государственной службы императору из принудительной обязанности в патриотический долг и почетную привилегию, обеспечивающую высшее положение в обществе, ориентация личности на соответствие качествам «идеального подданного» и внедрение в ее сознание набора знаковых предпочтений. Российский дворянин получил от власти возвышающие наименования «благородный» и «сын отечества» как представитель

сословия, на протяжении всей своей истории служащего престолу и объединяющего все население страны осознанным чувством «верноподданнической преданности».

Формирование системы социального престижа и критериев оценки личности, главным показателем которых становились чин, милость императора и успешная карьера [6].

Начиная с середины XVI в., т.е. времени образования единого Русского государства с сильной монархической властью, великий князь, а затем царь, или «государь всея Руси», считался наместником Бога на земле. Этот постулат основывался на библейском положении «нет власти не от Бога», что позволяло судить о высоком сакральном смысле верховной монархической власти. Кроме того, в системе самой политической власти утвердились византийско-монгольский тип правления и соответствующая модель построения и организации государственного аппарата. «Полное подчинение государю считалось нормой поведения чиновников – окольных, стряпчих, подъячих, и не случайно в допетровский период государственных служащих называли „государевыми служилыми людьми“.

Развитие отечественной бюрократии на всем протяжении нашей истории было связано с идеей служения государственной власти, верховному правителю государства, государственным органам, а не самому государству, не населяющему его народу, не гражданскому обществу» [7, с. 48].

Позднее, как пишет И.И. Сандомирская, Петр I вводит термин *Отечество* для обозначения империи, а термин *служение Отечеству* – для обозначения государственной службы, т.е. для передачи принципиально новой схемы распределения функций и ролей в государственном устройстве. Именно в петровскую эпоху Отечество появляется в общественном дискурсе в виде человекообразной фигуры, как типичная аллегория эпохи барокко. Петровское время совершает переворот технологического плана в порядке культуры: оно «переводит» строй русского абсолютистского государства на язык, сопоставимый с символическим порядком современного ему Запада. Именно благодаря этому «переводу» становится возможным появление конструкции Отечества в том виде, какой знаком нам сейчас. В его олицетворениях как высшего существа, которое следует любить и которое ожидает служения, которое может требовать жертв, преданности, полной самоотдачи, мы видим иную «технику выражения», не соответствующую стилю интерпретации символов в духе средневековой геральдики. Петровская аллегория Отечества выступает в качестве фигуры для репрезентации новой формы власти, нового отношения к правам и обязанностям. Служение Отечеству гарантировало граждан-

ские права новому дворянству – «птенцам гнезда Петрова» – военным и классу предпринимателей. Расширив круг адресатов риторики власти и включив в него эти новые классы, аллегория Отечества предоставила им права в отношении дискурса [8].

Если в эпоху Петра I главная мировоззренческая ценность беззаветной преданности «Самовластному Монарху» провозглашалась через тексты присяг, публичные проповеди и угрозы «отсечения головы», то в документах Екатерины II постоянно упоминалось о «природном Нашем человеколюбии» и «материнских увещеваниях». Заботы власти «об исправлении нравов» и «подготовке... умов для введения лучших законов» были связаны не столько с характером и кругом чтения императрицы, сколько с усложняющимися задачами, встающими перед страной. Престол нуждался в развитии государственного сознания у подданных и их деятельной поддержке всех мероприятий правительства, при этом ставка делалась непосредственно на политически активную образованную элиту. Власть удалась, предоставив господствующему классу широчайшие привилегии, сохранить его в качестве служилого сословия, главной социальной опоры абсолютизма. Сохранялась стойкая приверженность дворянства к государственной службе уже после отмены ее обязательного характера в 1762 г.

Очевидно, что имитационная составляющая удачно накладывалась на существующие социальные и этические установки, проявляясь в сознательном и целенаправленном воздействии на массовое сознание и массовое поведение. В подобном ментальном и этическом пространстве символические демонстрации служили существенным механизмом правления в Российской империи. Когда-то М. Бубер исходил из того, что в различные эпохи люди неодинаково переживают собственное Я, оценивают свои творческие и духовные возможности, понимают смысл происходящего с ними. Он писал: «В истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности и бездомности. В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как у себя дома, в эпоху бездомности – как в диком поле» [9, с. 165].

В этой ситуации следование «европейским путем» также во многом носило оттенок имитации. Недаром Р. Уортман пишет, что на двух поворотных этапах русской истории XIX в. два российских императора пытались доказать «национальный» характер собственной власти: Николай I – после восстания декабристов и Александр III – после убийства Александра II. Оба монарха явно стремились отмежеваться от западных моделей, служивших образцом для российских самодержцев со времен Петра Первого. Для своей имперской мифологии они предпочли заимствовать у Запада националь-

ные концепты и популярную идею народного суверенитета. Всячески демонстрируя преданность престолу широких масс русского народа, Николай и Александр одинаково надеялись избежать «громоздких» и «продажных» западных парламентских институтов и создать «дополнительный „национальный“ фундамент» для монархической власти [10, с. 233].

Таким образом, самодержавие как система власти было не способно существовать без одновременного порождения мифической реальности, без постоянно возобновляемой саморепрезентации в словесных, артистических, поведенческих образах. Социокультурный механизм (политический язык) имитационной со-

ставляющей проявлялся через церемонии и обряды, носящие характер «играизации» и определяющие «постановочный стиль» жизнедеятельности; символическое конструирование, мифологизацию и стереотипизацию, примитивизацию, идеологическую индоктринацию.

Имитационная составляющая накладывалась на существующие социальные и этические установки, проявляясь в сознательном и целенаправленном воздействии на массовое сознание и массовое поведение. В подобном ментальном и этическом пространстве символические демонстрации служили существенным механизмом правления в Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры.
2. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времен. М., 1995. Кн. 1.
3. *Вязовик Т.* О взаимодействии традиционалистских и либеральных интенций в идеологии российского самодержавия // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. ст. Вып. 1 / под ред. Ю.Н. Солонина. СПб., 2004.
4. *Маркиз де Кюстин.* Николаевская Россия. М., 1990.
5. *Марасинова Е.Н.* Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008.
6. Там же.
7. *Черепанов В.* Служение государству и обществу // Государственная служба. 2004. № 5.
8. *Сандомирская И.И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/sadomirskaya-rodina>.
9. *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.